

РУД

30
Mark

RUL, russische demokratische Tageszeitung
Gegründet von I. Hesse, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff †

Подписная цѣна. Во всѣхъ почтовыхъ упрещеніяхъ Германіи 700 мар., въ Берлинѣ и пригородахъ, съ поставкою собственными разсылными ежедневно на домъ 800 мар., при ежедневной непосредственной высылкѣ бандеролью 900 мар. въ мѣсяцъ. Въ Мемельскую обл., Данцигъ 900 герм. мар., цнѣ Германіи: Въ Польшу, Россію, Венгрію, Эстонию, Юго-Славію, Латвію, Литву 1200 мар., нѣмецкую Австрію, Болгарію, Грецію, Румынію, Турцію 1400 мар., Финляндію 1600 мар., Италію 8 лиръ, Чехо-Словакію 10 кр., Бельгію, Францію, Люксембургъ 3 фр., Испанію 2 пез., Португалію 8 эск., Англію 3 шилл., Америку $\frac{1}{2}$ долл., Японію 1 іенъ, Данию 2 кр., Голландію $1\frac{1}{2}$ фл., Норвегію 2 кр., Швецію 2 кр., Швейцарію 2 фр. и другія государства 2000 мар. въ мѣсяцъ. Къ заказу просятъ прилагать деньги, во избѣжаніе замедленія высылки.

Объявленія основная плата 30 мар. за миллиметръ (ширина строки — одна двѣнадцатая часть страницы), для врачей, присяжныхъ повѣренныхъ 18 мар. за миллиметръ, для ищущихъ мѣсть и для розысковъ 25 мар. за миллиметръ. Миллиметръ объявленій въ текстъ газеты 170 герм. мар. При крупныхъ заказахъ указанная цѣна не обязательна. Заграничныя объявленія по особому тарифу. Приемъ объявленій и подписки въ „Ullsteinhaus“, Berlin SW 68, Kochstrasse 23-26, и во всѣхъ городскихъ отдѣленіяхъ Ullstein's. Редакція (Markgrafenstr. 78) открыта ежедневно отъ 11 часовъ дня до 2 час. дня. Редакторы принимаютъ ежедневно отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{2}$ час. дня. Телефонъ редакціи: Döhloff 47-61.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

Основанъ **И. В. Гессеномъ, проф. А. И. Каминка и В. Д. Набоковымъ †**

№ 611-й

1 декабря, (18 ноября) 1922 г.

3-й г. изд.

Из литературных воспоминаний.

ХІІІ.

Владимир Дмитриевич Левяский, издатель «Будильника», была фигура удивительная. Такого курьезного издателя я впоследствии уже не встретила, да едва ли и встречу. Человек добрейшей души и чрезвычайно услужливый, но скупой до... прачи, уж и по подбору определяемого сравнения, потому что всё известные литературные типы скупости — Плюшкин, Скупой рыцарь, Гарпагон, скупцы Гольдони — насколько к Левянскому не подходить. Он был, если можно так выразиться, смелый скупец». Его скупость облекалась в такие наивно-комические формы, дышала такими искренними, детскими убеждениями во своей правоте, что бывало, не успевши и обозначиться на него: смех разбирают!

Было время, когда Антон Чехов писал чуть ли не всю прозу для «Будильника», а я почти всё стиха, получал по гривеннику за стих. В самый разгар такого усердия, летом 1886 г. понадобился мне аванс в 300 р. на предельно предстоявшей моей женитьбе. Человек я был для журнала нужней. Левяский, хотя со слезами, но дал мне аванс, — одако, под условием:

— Только уж, добрый мой, услуга за услугу. Теперь, впредь до погашения аванса, вы будете получать за стихи, как за прозу, по пятячку.

То есть — вместо 3000 строк, подай ему 6000! Роста в 100%! Ну не спорить же было жеману, когда невеста ожидает же свадьбы! Деньги очень нужны были, — обругался и согласился. Сколько времени потяну я ему эти стиханы «сбер» (назвину, не иначе мудроно выразить всю энергию, прелесть и поэтическое достоинство подобаю пливовдлакия египотского!), — жутко вспомнить. Наконец уж Куропинг, — хотя вообще то он очень полюбил вмешиваться в мои контрарные дела, — вступился и доказал Левянскому по прилагче прохвента, которым он обложил мой труд: об этом молть оренъ

дурно говорят в Москве — и не только в литературных кругах. «Не только» здесь и было важно, потому что къ мѣншн литературных круговъ Левяскій былъ весьма равнодушенъ, а вотъ — что говорить о немъ въ домѣ «кавалерской ношн дачи» В. Е. Чертовой, у городской голомя, въ кредиткѣ, въ совѣтѣ присяжныхъ повтрочныхъ, на биржѣ, — это другое дѣло. Струсила Владимиръ Дмитриевичъ и вслѣдственно перевелъ меня обратно на гривенникъ. Къ сожалѣнію, долга-то оставалось тогда на мнѣ уже всего рублей пятидесять.

Чеховъ, уже послѣ «Сумерекъ» и «Хмурыхъ людей», серьезно удержалъ, будто бы онъ убѣдился въ томъ, что онъ большой писатель, только тогда, когда Левяскій началъ ему платить пятнадцать копеекъ отъ строки. Благодати этой онъ дождался, но — когда ему «Будильникъ», «Стрелка» и «Осколки» были уже не нужны. Дорощича Левяскій обожалъ, но говорилъ о немъ не иначе, какъ съ благоговѣннымъ ужасомъ:

— Грабитель!
— Владимиръ Дмитриевичъ! по пятячку. то за строчку?!

— Добрый мой! Да, вѣдь, за то, сколько же онъ пишетъ?! Подумайте: въ прошлую субботу выгрѣбъ изъ кассы 28 р. 50 к.!

То есть помѣстилъ 470 строкъ! А написано было, впрочемъ, гораздо больше, потому что Левяскій, хотя плагилъ скандно, былъ весьма разборчивъ и выскатолпъ и браковалъ рукописи безпоощадно. И совсѣмъ не потому, чтобы онъ не удовлетворяли литературнымъ требованіямъ. Въ литературѣ этотъ типичскій московскій чиновникъ, часто являвшійся въ редакцію съ какой нибудь изъ безчисленныхъ должностей своихъ въ мундирномъ фракѣ и при орденѣхъ, ровно ничего не понималъ и добродушно не имѣлъ на то претензій. Но онъ былъ неумолимымъ цензоромъ своего журнала. Всякая воляная мысль, малое рѣзкое слово приводило его въ ужасъ бюрократическій, политическій... зорь его знаетъ, въ какой ошъ, — во всякій ужасъ; никогда палься было угадать, въ какую сторону ударитъ его пестрая пасторожность. Заглавными и службой по разнымъ вѣдомствамъ онъ

былъ связанъ, чуть ли не со всею московскою администраціей, съ добромъ положенію питейлигенціи (онъ былъ много лѣтъ смотрителемъ Политехническаго музея), съ именитымъ купечествомъ, съ землями, думцами, кредитными воротилами. Такимъ образомъ, создавалось непроницаемая толпа личъ, неприкосновенныхъ для перья въ лихихъ остроумцевъ и для карандаша разпихъ карикатуристовъ. И какъ разъ въ такой средѣ, которая, за полную цезурною задретностью политическыхъ темъ, единственно давала интересныя матеріалы, единственно въ которой сатирическій смѣхъ звучалъ бы не вовсе празлымъ «пустобрехомъ». Политическыя намекы, хотя бы даже самыхъ отдаленныхъ и темныхъ, Левяскій не допускалъ ни подъ какимъ выломъ, и на всё подобныя наши наезды и ухищренія имѣлъ собачій нюхъ. Вольномыслия релігиознаго не терпѣлъ, такъ какъ, происходила изъ еврейской семьи, былъ умасно православыенъ и усерденъ въ церкви и духовенствѣ. По разсѣямъ дамскыя комитетамъ онъ, въ качествѣ ратороннаго секретаря, былъ правною рукою извѣстной въ свое время Чапелъской, большой барыни п, хотя «дамъ-патронессомъ», однако изъ умышлхъ, — съ вліяніемъ, энергіей и, кажется, доброй волей. Она очень много дѣлала для народнаго просвѣщенія въ Москвѣ, особенно по организаціи публичныхъ чтеній съ картинками. Левяскій былъ ей усерднѣмъ и полезнымъ помощникомъ. Но Чапелъская была женщина выставляя, вокругъ нея всё должны были плясать по ея дудѣ. Умница, образованная и въ свѣтскомъ разговорѣ даже вольнодумка, старина эта, однако, ханжила. Не знаю, она ли привела Левяскія въ православіе, но благочестіе его родилось, конечно, въ ея школѣ.

Даже область театра — и ту Левяскій предавалъ намъ лишь въ самое умѣренное уязвленіе, съ предостереженіемъ, чтобы, сохранивъ Бога, не обидѣлись: Валерія Николаевна (Белогорова), Надежда Александровна (Никулина), Марія Николаевна (Ермолова), Александръ Павловичъ (Ленскій), Константинъ Николаевичъ (Рыбковъ) и т. д., — дружескимъ именемъ и откровенъ безъ кс-ца!

Однажды въ Большомъ театрѣ Левя-

онъ схватилъ меня, въ аптрактѣ, за руку и потащилъ за собою:

— Нѣтъ, батенька, не упирайтесь, пойдемте, пойдемте...

— Куда, Владимиръ Дмитриевичъ?

— А вотъ — въ третью явку Марія Николаевна сидитъ... къ ней!

— Такъ, что же вы меня тащите? Я и самъ очень радъ увидѣть ея...

— Да! радъ! Какъ же! Вотъ погодите, сейчасъ будетъ вамъ!

Подвелъ — и самымъ жалобнымъ тономъ:

— Марія Николаевна! вотъ вамъ, — я привелъ, — выволотилъ. Это все онъ, а я, право же, не причѣмъ... не сердитесь, ради Бога!

Юркнулъ въ толпу и скрылся. Ермолова смотрѣла на меня во всё глаза, а на нее смотрю во всё глаза, и оба ничего не понимая...

— Что это съ вами? говоритъ она. Отвѣчаю:

— А, право, не знаю, что съ вами. Говорить будто я чѣмъ то прельзъ вамъ виновать, но — чѣмъ, ужъ это вы мнѣ объясните, потому что я вѣломудѣваю...

Марія Николаевна тоже въ недоумѣніи. И, вдругъ, смѣется, восклицая: — Господи, какъ глупо! вѣдь это я ему сказала, что мнѣ не понравилась начертанная въ «Будильникѣ» пародія на «Чарльвикъ» Шпажиковскаго...

— Она и мнѣ очень не нравится, съ прискорбнемъ согласился я, — и это мнѣ тѣмъ грустнѣе, что къ несчастію, я, дѣйствительно, ея авторъ.

— Да! Вотъ не знала, что вы такими пустяками занимаетесь! отрѣзала Марія Николаевна со свойственной ей прямотой. Охота время тратить!

— Ахъ, Марія Николаевна, грѣшныя: многины я пустяками занимаюсь.

— Тогда, по крайней мѣрѣ, надо ихъ лучше дѣлать.

— Ахъ, Марія Николаевна, тѣла, тѣла, да и обидѣлись. Пародія, дѣйствительно, не удалась, одако, сколько я помню, обиданаго была въ ней ничего не было.

— Да я и не думала обидаться. Съ этого Левяскій взялъ? Онъ спросилъ меня, читала ли я? Я сказала, что читала, и мнѣ не понравилась... А онъ сейчасъ же равнодушно, забывъ тревогу и устроявъ

вотъ какую исторію... Вы меня извините, пожалуйста, а тутъ безъ вины виновата...

— Нѣтъ, это вы меня извините, я то, всетаки, какъ будто на все беззастенчиво виновать...

— А, полно вамъ! какіе пустяки! Ужъ если кто обижень и, кажется, дѣйствительно немного сердится, то это Иванъ Васильевичъ (Шпажнинскій)... я, по моему, имѣетъ право! Развѣ можно такъ грубо? Съ «Царемъ Максимилианомъ» сравниваете! Сами напишите историческую пьесу, — приятно вамъ будетъ, если кто пьесу напечатаетъ, будто вы сочинили второго «Царя Максимилиана»?...

Въ очередь цензуры страхомъ и предосторожностей Левинскаго, нѣкогда часто Дорошевича не встрѣчался съ наибольша удивительнымъ его возраженіемъ. Оно покажется невѣроятнымъ въ устахъ издателя юмористическаго журнала, но мы слышали его разъ по десятку казавшій повесть — редакционный день:

— Добрый мой, этого нельзя печатать, это слишкомъ смѣшно.

Или:

— Добрый мой, это черезчуръ весело.

А то еще была у него аттестація непригодности:

— Нѣтъ, бывае, не пойдетъ: это и в семейно.

То есть не годится для чтенія въ семьѣ.

Такимъ образомъ засушилъ онъ свой «Будильникъ» только что не въ «Душеполезное чтеніе». И, какъ ни страшно, угадалъ тѣмъ вкусъ какой то большой публики. «Будильникъ» всѣхъ своихъ предшествовавшихъ издателей (знаменитаго каррикатуриста Н. А. Степанова, Сухого, Уткину), разорялъ, отъ А. Д. Куркина и Н. П. Кичеева Левинскій принялъ его съ ничтожнымъ тиражемъ и большимъ долгомъ. А при Левинскомъ онъ быстро дошелъ до пятнадцати тысячъ тиража и давалъ прекрасный доходъ. Что привлекало читателей, остается для меня и по сей часъ загадкой. Лѣтъ десять тому назадъ, когда «Просвѣщенію» предприняло собраніе моихъ сочиненій, я долженъ былъ пересмотрѣть «Будильникъ» за время своего въ немъ участія и просто въ ужасъ пришелъ отъ его вялости, ординарности, ско-

ванности въ мысли и формѣ. А въдь работали Антоновъ, Николай и Александръ Чеховы, Евгений Коки, Е. В. Пассекъ, А. Д. Курепинъ, Н. П. и П. И. Кичеевы, В. М. Дорошевичъ, А. С. Лазаревъ, Н. М. Ежовъ, Н. Хлоповъ, Граве, Стружкинъ, Пальминъ, Лудмеръ, Трефолаевъ. Изъ десяти фольантовъ комплекта, въ которыхъ мнѣ принадлежатъ безчисленное количество страницъ, я едва выжалъ топій томикъ стиховъ («Рiemы восьмидесятишка») и прозы («Улыбки юности»).

Вполнѣ понимаю Чехова, когда онъ исключилъ изъ полнаго Марксва собранія своихъ сочиненій большую часть разсказовъ первой половины восьмидесятыхъ годовъ, разсѣянныхъ по страницамъ «Будильника» и «Осколковъ», хотѣ, можетъ быть, онъ проредактировалъ самого себя ужъ слишкомъ строго и далеко не всегда сирвадливо: урѣзалъ многое, что стоило бы сохранить, оставилъ иное, что не жалъ было бы убрать. Въ посмертныхъ добавочныхъ томахъ Чехова все это теперь собрано, заключено въ анонимныхъ строкъ, тоже безчисленно сыпавшихся въ «Будильникъ» изъ подъ его молодого пера. Если бы я располагалъ комплектомъ «Будильника» за 1881—90 г. г., то впрямѣнно занялся бы извлеченіемъ и сохраненіемъ этихъ повѣдомыхъ чеховскихъ строкъ. Послѣ смерти Антона Павловича я не разъ указывалъ въ печати, что такая работа должна быть произведена, и, конечно, пятнадцать, десять лѣтъ тому назадъ ее было бы легко сдѣлать. Сейчасъ, — помню разсѣянія литературныхъ силъ, частію застрявшихъ въ совѣтской Россіи, частію блуждающихъ въ эмиграціи, и невозможности раздобыться комплектами, — старая редакция «Будильника» такъ хорошо вымерла, что едва ли не я одинъ уцѣлѣлъ въ живыхъ изъ основной ея группы. Кто то недавно говорилъ мнѣ, впрочемъ, что живъ въ Москвѣ В. А. Гиляровскій, который заграничные и петроградскіе слухи похоронили было еще въ 1919 г. Такимъ образомъ, мы съ нимъ остаемся единственнымъ, способнымъ указать, что въ анонимномъ текстѣ «Будильника» принадлежитъ Антоу Чехову, что писано другими, напр. Пассеккомъ, Кичеевыми, Коки.

Александръ Амфитеатровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).